

БЕЗОПАСНОСТИ

МК Б Чувств - 2001 - 13 мая - с. 47 - 49.

Михаил ПТАШУК
(второй слева)
и его творческая команда.

Михаил ПТАШУК: «О войне больше не снимаю!»

Он могуч, как былинный богатырь, и добродушен, как большой ребенок. Только эти мощные плечи и могли, наверное, вынести трехлетнюю кинокарьеру. А может, все дело в маленьком внуке Мише, «сыне кинополка», который вдохновлял дедушку. Может, в чем другом. О его картине, конечно, будут спорить. А вот ветеранам войны, которые увидели ее в столице еще в феврале, она понравилась. Наши бабушки и дедушки, обвешанные медалями, не скупилась на слова одобрения. А этот зритель ведь строгий, чувствует любую фальшь. Кстати, сам Пташук считает высшим достижением советского кино фильма о Великой Отечественной войне:

— К сожалению, последние десять лет картин на эту тему практически не выпускают. Все отдано американскому кино. По телевидению показывают 25—30 иностранных фильмов в день. Идешь в кинотеатр — то же самое!

Когда мы затевали нашу картину, то поняли: на нашей студии «Беларусь-фильм», которую в шутку называли «Партизан-фильмом» (и мы гордились этим названием!), сегодня практически не сохранилось ни танков, ни «Студебеккеров», ни «ЗИЛов» — никакой техники того времени: ведь прошло 60 лет... Невозможно было найти армейскую форму 44-го года, даже офицерские портупеи. И на складах «Мосфильма», и других наших студий все уже истрепалось.

Тем не менее мы нашли все. У любителей мы собрали технику. Где взять,

к примеру, «Студебеккеры»? На заводе в Ейске нам помогли. Правда, шины оказались другие. Но на машину похоже! На военных складах города Борисова нашли огромные запасы военных костюмов. Нам ведь было нужно одеть тысячу солдат, дать каждому ППШ...

Мы делали картину об августе 44-го года, когда фронт уже ушел к Варшаве. Воссоздать ту обстановку сегодня практически невозможно — сейчас другие дороги, улицы, деревни. Вернуть эту атмосферу 44-го года для нас было одной из главных задач. Мы честно попытались сделать психологическую картину по замечательному роману Богомоллова. Нам казалось, что победа воевалась не только на передовой, но и внутри души бойца — где ищут врага по оброненной спичке, отпечатку сапога...

СМЕРШ («Смерть шпионам») — так называлось Главное управление контрразведки, созданное в системе Наркомата обороны постановлением Государственного комитета обороны (апрель 1943 г.). В годы войны СМЕРШ возглавлял заместитель наркомата обороны, то бишь Сталина, генерал-полковник **Виктор Абакумов** (он был расстрелян как «бериевец» в 1954 году). В задачи СМЕРШа входил активный розыск вражеских агентов, борьба с итимионами и диверсантами. Агенты СМЕРШа же перебрасывались за линию фронта. СМЕРШевцы принимали участие в акциях по переселению репрессированных народов.

Всего за военные годы органы СМЕРШ обезвредили **3500 диверсантов** и более **6000 агентов-парашютистов**.

После войны (а точнее, весной 1946 г.) органы СМЕРШ были преобразованы в особые отделы и подчинены Министерству государственной безопасности. Это, впрочем, нисколько не смутило создателя джеймсбондианы Яна Флеминга, когда тот в «Из России с любовью» живописал схватку агента 007 с коварными СМЕРШевцами уже в 50-е годы. Куда более интересно и, главное, правдиво деятельность СМЕРШевцев была отражена в книге Владимира Богомоллова «В августе 44-го» («Момент истины»).

— Вы не боялись, что вас не поймут?

— Боялись. Зритель ведь привык сегодня к дракам, боям, убийствам — и вдруг этого нет. И меня безумно радует, когда в зале стоит мертвая тишина, — это самый дорогой подарок для режиссера.

— Кто был инициатором идеи фильма?

— Министерство культуры Белоруссии вышло с предложением к Богомоллову купить у него права и заключило с ним договор. По нему Богомоллов продал право на создание художественного фильма и право на показ его по телевидению. Но оставил за собой права на создание телесериала и выпуск кассет.

— Вы раньше читали роман?

— Конечно, и помню этот бестселлер в «Роман-газете», ставшей от многих рук сальной, жирной... Люди читали и передавали роман друг другу из рук в руки.

— А знали о предыдущей, неудачной попытке Витаутаса Жалаквичюса?

— Да, знал. Этот фильм снимался у нас под Минском на «натурной площадке». И я помню один замечательный момент — на всю жизнь он запечатлелся в моей памяти. Когда картина уже была закрыта, мы собрались на квартире у Виктора Турова, известного белорусского режиссера. Я там и познакомился с Жалаквичюсом в эту трагическую мину-

ту. Мы сидели, выпивали, и Витаутас был... просто опрокинут...

— Как он реагировал?

— Он плакал. Кстати, мы совсем недавно после Минска повезли картину в Вильнюс, где показали ее по просьбе литовцев. Это была своеобразная дань памяти Витаутасу Жалаквичюсу.

— Чем помог Лукашенко? Говорят, обещал на фильм миллион долларов?

— Нам не нужна была его помощь. И он никогда не обещал миллиона... Скажу больше. Мы сидели вместе, рядышком с ним, в зале на просмотре, и он спрашивал меня, на сколько процентов картина российская, на сколько — белорусская. И я отвечал: согласно контракту, 30% — Белоруссия, 70% — Россия. Это его задело. «Почему ты не обратился ко мне? Я бы помог, дал денег».

Но я же не мог через голову министра культуры лезть к нему! Тот мне это запретил. Потому и говорю: «К вам не так легко попасть». И тут Лукашенко заявляет, что мы, белорусы, могли бы снять фильм самостоятельно. И добавляет при этом: «Кино — это всегда дорогое удовольствие. И когда мы с Россией делаем общую картину — это замечательно».

— Как удалось собрать такой блистательный состав актеров?

— Во-первых, у нас был прекрасный литературный материал. Во-вторых, хорошие три главные роли. Актеры старшего поколения у меня снимаются из картины в картину. Например, мой любимый актер Алексей Петренко

— А Тышкевич как раскопали?

— У нас, в западной Белоруссии, живет много поляков, все знают польский язык... И вроде легко можно было бы пригласить белорусскую актрису, которая бы сыграла полячку. Но это была бы не совсем полячка. Поэтому для себя я определил: поляков должны играть поляки. Белорусов — белорусы. А русские роли — русские. Поэтому на все четыре польские роли я пригласил именно польских актеров.

С Беатой мне помог Кшиштоф Заусси... Они друзья много лет. Я сам поехал в Варшаву, актерское агентство подобрало мне остальных актеров...

— Кого из актеров отметите особо?

— С моей точки зрения, просто блестящая работа у Жени Миронова. О Жене я хотел бы вообще сказать особо. Я благодарен его маме.

— За что?

— В его доме я стал родным человеком. Я приходил к ним домой, мама накрывала стол, ставила угощение... Телефон без конца звонил, все искали Миронова... Мама никого не подпускает к Жене... У нас установились такие замечательные,

дружеские отношения с его семьей. И они, конечно, повлияли и на работу...

— Вы сразу его выбрали?

— Я знал, что хочу. Мы со вторым режиссером приехали в театр "Табакерка" на улице Чаплыгина, встретились с Женей, я предложил ему сыграть, он сразу согласился... И больше я никаких проб на роль Алехина не делал... Но шли длинные поиски Таманцева и Блинова. Этого мальчика, Юру Колокольникова, мне нашла моя дочь. Она в это время училась и работала в Москве. Я ее попросил поискать восемнадцатилетнего парня по театральным школам Москвы. И она разыскала Юру Колокольникова, студента четвертого курса Щукинского училища. А что касается Таманцева, мы делали фантастическое количество проб. И все равно вернулись к Галкину. Мне кажется, что он очень хорошо справился с этой работой...

— Что было наиболее сложным во время съемок?

— Организация всего производства. Поднять всю эту машинерию... У нас полтора месяца с утра до вечера в кадре была почти тысяча солдат... "Студбекеры"... На улицах города, на военном полигоне под Гродно. И было безумием эту машину закрутить. Бензина нет, безумная августовская жара... Солдаты сгорали — им было плохо от солнечного уда-

Михаил Пташук (слева) и Евгений Миронов (в центре) получают ЦУ опытного бойца Виктора Павлова.

ра. Поэтому эта картина далась кровью.

— Помогали службы госбезопасности?

— Конечно... У нас были хорошие консультанты из контрразведки Комитета госбезопасности Белоруссии... Нам очень помогло Министерство обороны Белоруссии. Без него мы бы вообще ничего не сделали. Не так просто получить почти тысячу солдат и одеть их в форму того времени, дать каждому в руки ППШ. Что называется, "в масле"!

— Вам не кажется, что фильм слишком смахивает на американский боевик? Война как игра?

— Как раз первое обвинение Богомолова и было, что я уподобляюсь американскому кино... Но мне хотелось добиться сочетания и "экшна", и психологизма... Потому что сегодня наш зритель все-таки уже немножко другой. Все-таки мы делали картину для молодежи... Отсюда и весь монтажный ряд...

Владислав ГАЛКИН (старший лейтенант Таманцев): «Это герои нашего времени»

— Первый раз я прочитал роман в 12 лет, потом его несколько раз еще перечитывал. Мне эта история безумно нравилась, как и многим, наверное. В свое время это был не просто бестселлер — его читало поколение за поколением. И когда я поступал в Щукинское училище, и впоследствии на режиссерский факультет ВГИКа — у меня была идея-фикс. Мало того что я хотел играть Таманцева — я хотел еще снимать эту картину, надеясь, что до меня ее никто не тронет. И вдруг мне звонит мой агент и говорит, что "Момент истины" снимается. Мои ощущения в этой связи передать сложно. Для меня это была не просто навязчивая идея — я действительно обожал этот роман, и мне безумно нравился Таманцев.

Это же "герои нашего времени" — не криминальные, а настоящие мужики, молодые парни, обладающие удивительной силой, красотой, профессиональными качествами. Всем тем, что отличает человека принципи-

ального, мужчину, от модного на сегодняшний день среднеполюго существа, которое, как говорит моя жена Даша, не смогло пережить сексуальную революцию.

Пробовался я на Таманцева очень тяжело, мучительно: Пташук около года, наверное, искал актеров на главные роли. Это очень сложный человек, он далеко не всегда знал, чего хочет. Я убежден, что картина сделана во многом не им, а артистами. По большому счету, Женей и мной. На Западе такое было бы вряд ли возможно: не секрет, что наших артистов от западных отличает в большей степени психологическая работа над образом. Поэтому так и сложилась русская школа театра, а не европейская или американская.

На самом деле в Пташке что-то есть неплохое — наверное, старая закалка. Сейчас

мало кто может себе позволить снимать 15—20 дублей, а мы за первые две недели съемок уничтожили весь бюджет пленки. Он снимал много, но монтажно. И даже ухитрился показывать сырые куски, что в кинопрактике вообще категорически не делают. Отправил Богомолову несколько кассет с рабочим, несмонтированным материалом. Разумеется, реакция Богомолова была однозначная. Но мы, актеры, с ним много советовались. Человек он достаточно жесткий, тяжелый, но очень грамотный и очень знающий. Поэтому его мнение было для нас важно.

У картины сложная, тяжелая судьба. Во-первых, Богомолов был изначально недоволен кандидатурой Пташука. Во-вторых, он снял свое имя и убрал название романа из титров. В-третьих, там было очень много внутренних проблем, которые не хочется выносить на суд. Да, было сложно. Давил груз ответственности — и перед Богомоловым, и перед темой. Но мы все очень старались. Потом стало легче, начали входить в колею. Но ругались очень часто. Мы не только предлагали свое, но и делали.

Мне было приятно, когда на съемках господра, служившие в спецподразделениях, спрашивали нас: "Откуда вы все это знаете? Что, Таманцев — один из наших?"

У нас не было ни дублеров, ни каскадеров, специально в спортивном плане я не готовился. Но я занимаюсь боксом с детства. Потом, я большой любитель экстремальных ситуаций. Что касается трюков — мы все практически делали сами. Постановщиков не было. Все драки, прыжки — плод нашей фантазии. Это неплохо. Но когда это делают профессионалы, зачастую выглядят интересней.

Жаль, что много сцен не вошло в картину, но они были сняты. К сожалению, фильм лишен в определенной степени динамики, есть несколько кусков, которые могли быть интереснее, — например, сцена со Сталиным. Хотелось бы больше действия...

Вообще, уровень проблем в этой картине был гораздо выше производственных. Было очень тяжело. Изначально все друг другу ввали, все перессорились. Чудовищные конфликты. Но фильм есть. Актерская работа есть. Хотя для меня было большой неожиданностью, что лента в принципе вышла. Честно говоря, я уже не ждал. Но сделал почти все, что хотел. Это моя 32-я по счету картина. Многострадальная, но дорогая сердцу. Я осуществил свою мечту, насколько это было возможно... И мне стыдиться нечего. "Продукт" как таковой сам говорит за себя. Многим людям фильм нравится. Так что, хотя и много помоев было вылитое, но в итоге результат есть. Дай Бог, чтоб он дошел до зрителя.